

Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала

Дмитрий Васильевич Цыганкин
Нина Афанасьевна Агафонова
Иван Николаевич Рябов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Современная дифференциация эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала сложилась в результате длительного исторического развития. Их формированию способствовала миграция мордвы с прежних мест жительства. Обособленный от основной массы мордвы характер проживания в данном регионе эрзи и контакты с народами разных языковых систем способствовали сохранению архаичных явлений в языке-основе и возникновению инновационных компонентов в структуре исследуемых диалектов. Цель работы состоит в обнаружении и описании архаичных явлений и новообразований в падежных парадигмах данного ареала.

Материалы и методы. Статья подготовлена на основе полевых материалов авторов, собранных во время лингвистических экспедиций в местах компактного проживания эрзи на территории Заволжья и Южного Урала. Сбор диалектного материала проводился по программе-вопроснику, отражающей лексическое, фонетическое и морфологическое варьирование языковых явлений. При анализе языкового материала в работе использовались описательный и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование языкового материала Заволжья и Южного Урала показало отличия падежных парадигм имени существительного от соответствующих парадигм эрзянского кодифицированного языка и других диалектов и говоров. В ходе анализа выявлено, что в парадигмах определенного склонения единственного числа встречается разный состав падежей и отсутствует единая структура словоформ. Одни парадигмы являются архаичными, последовательными и логичными, в составе других имеются новообразования, омонимичные падежные суффиксы и послеложные конструкции.

Заключение. Основные диалектные типы эрзянского языка были сформированы до миграционных процессов на восточные территории современного проживания эрзи. Изолированное развитие диалектов Заволжья и Южного Урала позволило, с одной стороны, сохранить архаичные явления в парадигмах определенного склонения, а с другой – выработать в них нехарактерные для них новообразования.

Ключевые слова: эрзянский язык, кодифицированный язык, морфема определенности, диалект, падежная парадигма, архаичные и инновационные явления

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00323.

Для цитирования: Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 254–264. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.254-264.

Введение

В мордовском диалектном ареале проблема изучения падежной системы до настоящего времени остается актуальной и открытой. Сложность заключается в том, что категория падежа в именном словоизменении является подвижной и непостоянной.

Отсутствие единой падежной системы характерно и для эрзянских диалектов и говоров Заволжья и Южного Урала. Эр-

зяне этого языкового ландшафта, изначально говорившие на разных диалектах и говорах, выработали для общения новые диалекты, в которых сохранились архаичные языковые элементы и возникли разнообразные инновационные явления, свойственные только этим диалектам.

Дифференциация диалектных падежных парадигм имени существительного в исследуемом ареале связана с неодина-

ковым составом падежей в том или ином склонении, особенностями оформления отдельных падежей, характером падежеобразующей основы и различиями значений некоторых падежей.

Падежные системы эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала до настоящего времени не были предметом специального исследования. Имеющиеся работы ограничиваются рассмотрением отдельных уровней диалектной структуры мордовских языков. В течение ряда веков в мордовском языковом ландшафте Заволжья и Южного Урала сложились диалекты и говоры, сохранившие многие архаичные явления языка-основы. В процессе контактирования с языками других систем в них развились инновационные явления, характерные только для этого языкового ландшафта. Однако в настоящее время в диалектах Заволжья и Южного Урала происходят довольно глубокие процессы ассимиляции, в результате чего сфера функционирования этих диалектов сокращается, что требует скорейшей фиксации речи носителей языка и диалектных особенностей данного лингвистического ареала.

Обзор литературы

Изучению категории падежа в мордовских языках посвящен ряд работ. Основной проблемой в таких исследованиях является вопрос о количестве падежей в падежных парадигмах.

Состав падежных форм в именном словоизменении мордовских языков в той или иной степени рассматривался в самых ранних работах финно-угроведов Х. Габеленца [18], А. Алквиста [15], Ф. Видемана [25], Й. Буденца [17], Х. Паасонена [21]. В исследованиях этих авторов приводятся неоднозначная трактовка названий падежей и разное их количество.

Позже проблема состава падежных парадигм в мордовских языках была освещена в трудах Д. В. Бубриха [4, 39–

41, 191–195], А. П. Феоктистова [12], М. Н. Коляденкова [7, 265–270], Л. Керестеша [20, 52–60], Р. Бартенс [16, 70–107], Д. Рютера [22], Р. Турунен [24], Н. Инаба [19, 207–225] и других ученых.

Д. Т. Надькин раскрывает причины неодинакового количества падежей в падежных парадигмах в нижнепьянском диалекте эрзянского языка и приводит некоторые уточнения к критерию словоизменительности той или иной формы существительного [10, 10].

Процессы образования новых падежных форм на основе послеложных конструкций в верхне-алатырских говорах мокшанского языка на территории Нижегородской области описаны в работе К. И. Ананьиной¹.

Проблеме падежа в эрзянском диалектном ареале посвящены исследования Д. В. Цыганкина [13; 14]. По его мнению, «отсутствие единого состава падежей в мордовских диалектах связано с рядом факторов, одним из которых является множественность диалектов эрзя- и мокша-мордовских языков»².

Вопросы сохранения архаичных явлений и возникновения новообразований в падежных парадигмах отдельных диалектов Заволжья и Южного Урала рассматривались в работах Н. А. Агафоновой и И. Н. Рябова [1–3; 14].

Материалы и методы

Диалектный материал для исследования собран авторами в полевых условиях во время лингвистических экспедиций в местах компактного проживания эрзи на территории Заволжья и Южного Урала. Фиксация языкового материала осуществлялась с помощью разработанной ранее программы-вопросника, отражающей лексическое, фонетическое и морфологическое варьирование языковых особенностей³. Дополнительным источником послужили диалектные материалы словарного кабинета кафедры мордовских

¹ См.: Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974.

² Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск, 1977. С. 34.

³ См.: Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск, 2018.

языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

В ходе исследования в работе применялись описательный и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Эрзянские диалекты Заволжья и Южного Урала характеризуются отсутствием единой системы падежей в парадигмах определенного склонения имени существительного. В одних диалектах, как и в эрзянском кодифицированном языке, различают 10 падежных форм, в других их число колеблется от 9 до 3. Многие падежи кроме синтетических форм имеют аналитические конструкции.

В эрзянском кодифицированном языке суффиксами определенности являются **-сь** (в номинативе), **-ть** (в генитиве-аккузативе), **-нть** (в остальных падежах). В исследуемом ареале нами зафиксированы следующие варианты суффиксов определенности: **-ś**, **-t**, **-t̃i**, **-nt̃**, **-ś/-ž-**, **-śt̃**.

1. Морфема **-ś**. Она является универсальным показателем определенности в номинативе и встречается во всех диалектах и говорах эрзянского языка.

2. Морфема **-t̃**. Зарегистрирована в диалектах с. Старое Борискино, Старое Домосейкино, Солалейка Северного района, Пронькино, Шестайкино, Кивацкое Бугурусланского района Оренбургской области. Эта морфема в генитиве-аккузативе полисемантична. В ней совмещены семантика генитива и семантика определенности. Данная морфема характерна для мокшанского литературного языка и некоторых эрзянских говоров юго-восточного диалекта с мокшанскими языковыми элементами на территории Мордовии и Пензенской области: *viir-t̃* – лес-DEF.SG-GEN/ACC ‘этого леса’, *viir-t̃(t)i* – лес-DEF.SG-DAT ‘этому лесу’ и т. д.

3. Морфема **-t̃i**. Встречается в говорах с. Шелехметь, Торновое Волжского района, Подстепки (бывшая Мордовская Борковка) Ставропольского района Самарской области. Она образована следующим образом: морфема определенности **-t̃** + падежный суффикс датива **-ti**:

viir-t̃-ti-sa – лес-DEF.SG-DAT-INE ‘в этом лесу’, *viir-t̃-ti-sta* – лес-DEF.SG-DAT-ELA ‘из этого леса’, *viir-t̃-ti-g’e* – лес-DEF.SG-DAT-PROL ‘по этому лесу’, *viir-t̃-ti-ksa* – лес-DEF.SG-DAT-CAUS ‘из-за этого леса’.

4. Морфема **-nt̃**. Встречается как в кодифицированном эрзянском языке, так и в косвенных падежах эрзянских говоров сел Абдулинского и Бугурусланского районов Оренбургской области, Похвистневского района Самарской области, Еремеевского района Республики Башкортостан.

5. Морфема **-śt̃**. Зафиксирована в эрзянских говорах сел Шенталинского района Самарской области и в Альметьевском районе Республики Татарстан. Встречается также в большеигнатовском [5, 158–160] и приалатырском диалектах на территории Республики Мордовия [8, 43].

В генитиве-аккузативе компонент **-ś** несет утраченную семантику падежного суффикса генитива-аккузатива **-ñ**, а компонент **-t̃** – семантику определенности единственного числа. В этой падежной форме произошло наложение трех суффиксов: **-ñ** (генитив) + **-ś** (морфема определенности) + **-t̃** (морфема определенности). Поскольку стечение трех согласных – нехарактерное для эрзянского языка фонетическое явление, первый компонент морфемы (суффикс **-ñ**) выпадает и передает свою семантику следующему компоненту **-ś**.

В остальных падежных формах морфемой определенности является **-śt̃**, где произошло наложение двух древних дейктических суффиксов ***-ś** и ***-t̃**. Ср.: *viir-e-ś-t̃* – лес-INT-DEF.SG-GEN/ACC-DEF.SG ‘этот лес’, *viir-se-śt̃* – лес-INE-DEF.SG ‘в этом лесу’, *viir-se-śt̃* – лес-ELA-DEF.SG ‘из этого леса’, *viir-ga-śt̃* – лес-PROL-DEF.SG ‘по этому лесу’, *viir-tem’e-śt̃* – лес-ABE-DEF.SG ‘без этого леса’.

6. Морфема **-ś/-ž-**. Характерна для эрзянских говоров сел Новомалыклинского района Ульяновской области: *viir-e-ž-i-ñ* – лес-INT-DEF.SG-INT-GEN ‘этого леса’, *viir-e-ž-he* – лес-INT-DEF.SG-DAT ‘этому лесу’, *viir-e-ž-de* – лес-INT-DEF.SG-ABL/ELA ‘об этом лесе’ и ‘из этого леса’ и т. д.

Таблица 1. Парадигма определенного склонения единственного числа говоров сел Новомалыклинского района Ульяновской области

Table 1. Paradigm of a certain declension of the singular number of dialects of the villages of the Novomalyklinsky district of the Ulyanovsk region

Падеж / Case	Новомалыклинские говоры / Novomalyklin dialects	Эрзянский литературный язык / Erzya literary language	Русский язык / Russian language
Номинатив / Nominative	<i>kilev-e-š</i> <i>šakš-o-š</i> <i>vele-š</i>	килеесь чакшось велесь	та береза тот горшок то село
Генитив / Genitive	<i>kilev-e-ž-i-ñ</i> <i>šakš-o-ž-i-ñ</i> <i>ve le-ž-i-ñ</i>	килеэнь чакшонть велень	той березы того горшка того села
Аккузатив / Accusative	<i>kilev-e-š-t</i> <i>šakš-o-š-t</i> <i>vele-š-t</i>	килеэнь чакшонть велень	ту березу тот горшок то село
Датив / Dative	<i>kilev-e-ž-ñe</i> <i>šakš-o-ž-ñe</i> <i>vele-ž-ñe</i>	килеэнь чакшонть велень	той березе тому горшку тому селу
Аблатив / Ablative	<i>kilev-e-ž-de</i> <i>šakš-o-ž-de</i> <i>vele-ž-de</i>	килейдэнь чакшонтэнь веледэнь	о той березе о том горшке о том селе
Инессив / Inessive	<i>kilev-e-š-(š)ñe</i> <i>šakš-o-š-(š)ñe</i> <i>vele-š-(š)ñe</i>	килейсэнь чакшонтэнь велесэнь	в той березе в том горшке в том селе
Элатив / Elativ	<i>kilev-e-ž-de</i> <i>šakš-o-ž-de</i> <i>vele-ž-de</i>	килейстэнь чакшонтэнь велестэнь	из той березы из того горшка из того села
Иллатив / Illative	<i>kilev-e-ž-ñe</i> <i>šakš-o-ž-ñe</i> <i>vele-ž-ñe</i>	килеэнь чакшонть велень	в ту березу в тот горшок в то село
Пролатив / Prolative	<i>kilev-e-ž-ga</i> / <i>kilevežin ežga</i> <i>šakš-o-ž-ga</i> / <i>šakš-o-ž-i-ñ ežga</i> <i>vele-ž-ga</i> / <i>vele-ž-i-ñ ežga</i>	килейганть чакшканть велеванть	по той березе по тому горшку по тому селу
Компаратив / Comparative	<i>kilev-e-ž-e-ška</i> / <i>kilevežin ejška</i> <i>šakš-o-ž-e-ška</i> / <i>šakš-o-ž-i-ñ ejška</i> <i>vele-ž-e-ška</i> / <i>vele-ž-i-ñ ejška</i>	килейшканть чакшошканть велешканть	с ту березу с тот горшок с то село
Абессив / Abessive	<i>kilev-e-ž-i-ñ-teme</i> / <i>kilev-e-š-teme</i> <i>šakš-o-ž-i-ñ-teme</i> / <i>šakš-o-š-tem'e</i> <i>vele-ž-i-ñ-teme</i> / <i>vele-š-teme</i>	килейтемень чакштомонть велевтемень	без той березы без того горшка без того села

В словоформах с морфологическим маркером *-š/-ž-* до настоящего времени сохранились последовательность и логичность структуры как в единственном, так и во множественном числе: основа слова + морфема определенности + падежный суффикс.

Диахронно морфема восходит к древней указательной местоименной основе **sy-*. В интервокальной позиции суффикс *-š-* в некоторых косвенных падежах перешел в *-ž-*: *kilev-e-ž-i-ñ* [береза-INT-DEF.SG.-INT-GEN] ‘этой березы’, *kudo-ž-ñe* [дом-DEF.

SG-DAT] ‘этому дому’, *kudo-ž-de* [дом-DEF.SG-ABL] ‘об этом доме’, *kudo-ž-de* [дом-DEF.SG-ELA] ‘из этого дома’.

Сравнительные парадигмы определенного склонения единственного числа эрзянских говоров сел Новомалыклинского района Ульяновской области и эрзянско-го кодифицированного языка приведены в табл. 1.

Как видно, в исследуемой парадигме встречается ряд нехарактерных для кодифицированного языка особенностей. Так, семантика генитива и аккузатива переда-

ется при помощи разных морфем: *ž-i-ń* (*kora-ž-i-ń* ‘этого мужчины’, *lomań-e-z-i-ń* ‘этого человека’, *ekakš-e-ž-i-ń* ‘этого ребенка’) и *-š-k* (*kora-š-k* ‘этого мужчину’, *lomań-e-š-k* ‘этого человека’, *ekakš-e-š-k* ‘этого ребенка’).

В представленной парадигме элатив по формальным признакам совпадает с аблативом: *kilev-e-ž-de* [береза-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этой березы’, *kudo-ž-de* [дом-DEF.SG-ELA] ‘из этого дома’, *vele-ž-de* [село-DEF.SG-ELA] ‘из этого села’, *vir-e-ž-de* [лес-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этого леса’, *piks-e-ž-de* [веревка-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этой веревки’, *lej-e-ž-de* [река-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этой реки’, *šakš-o-ž-de* [горшок-INT-DEF.SG-ELA] ‘из этого горшка’, *lomań-e-ž-de* [человек-INT-DEF.SG-ELA] ‘от этого человека’.

Омонимичность аблатива и элатива в анализируемых говорах объясняется наличием в составе этих падежных морфем древнего суффикса аблатива **-ta/-tā* [11, 22–23; 23, 79].

Особый интерес в данной парадигме вызывает инессив. В указанной падежной форме, как и в номинативе, морфемой определенности является суффикс *-š*, а падежным суффиксом инессива служит *-(š) ě*: *kilev-e-š-(š) ě* [береза-INT-DEF.SG-INE] ‘в этой березе’, *kudo-š-(š) ě* [дом-DEF.SG-INE] ‘в этом доме’, *vele-š-(š) ě* [село-DEF.SG-INE] ‘в этом селе’, *vir-e-š-(š) ě* [лес-INT-DEF.SG-INE] ‘в этом лесу’, *lej-e-š-(š) ě* [река-INT-DEF.SG-INE] ‘в этой реке’.

Диакронно эрзянский падеж инессив образовался от двух древних падежных суффиксов: **-s* (латив) и **-na/*-nā* (локатив) > **-sna/*-snā* [11, 20–22; 23, 78].

Таким образом, в исследуемых говорах формант инессива *- ě* суффикса *-(š) ě* восходит к древнему локативу **-na/*-nā*, тогда как в кодифицированном языке и в других диалектах эрзянского языка соответствующий суффикс представлен только *-s*-овым формантом латива *-s(-o)/-s(-e)*. В анализируемой словоформе инессива произошло наложение морфемы определенности *-š* на суффикс инессива *-sna/-snā*, в результате чего на стыке двух морфем появилась гемината [ss], которая впоследствии стала выполнять только функцию

морфемы определенности, что позволило ей остаться в глухом варианте.

Архаичный суффикс инессива *-š ě/-s ě* после свистящих и шипящих согласных характерен также для говоров северо-западного диалекта на территории Республики Мордовия, Чувашской Республики и Нижегородской области [5, 155–157; 6, 109; 9, 61].

Отличительными чертами эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала по сравнению с грамматической системой литературного языка являются зависимость, открытость, проницаемость и вариантность. В них наблюдаются следующие **инновационные процессы**: возникновение новых падежных форм из послелогов; замена синтетических падежных форм аналитическими конструкциями.

В качестве иллюстрации редукции послелогов можно привести падежные парадигмы имени существительного в определенном склонении смешанных диалектов Самарской области. В мордовском диалектном ареале этого региона нами выделяются две группы смешанных говоров. К первой группе относятся говоры с. Подстепки Ставропольского района, Шелехметь и Торновое Волжского района. Во вторую группу входят говоры с. Верхнее и Нижнее Санчелеево, Узюково, Новая Бинарадка Ставропольского района. Парадигма определенного склонения единственного числа говоров первой группы состоит из 11 синтетических падежных форм. Для второй группы в этой парадигме характерны 5 синтетических форм, другие же заменены аналитическими конструкциями.

Необходимо отметить, что все перечисленные говоры диакронно имеют мокшанскую основу. Известно, что в парадигме определенного склонения в мокшанском кодифицированном языке выделяются только три падежные формы: номинатив, генитив, датив. Остальные падежные формы в этих говорах являются новообразованиями, возникшими под влиянием эрзянского языка.

Падежные парадигмы определенного склонения единственного и множественного числа говоров выделенных нами групп в сравнении с эрзянским и мокшан-

Таблица 2. Парадигма определенного склонения единственного числа говоров сел Волжского и Ставропольского районов Самарской области

Table 2. Paradigm of a certain declension of the singular number of dialects of the villages of the Volzhskiy and Stavropol districts of the Samara region

Падеж / Case	Говоры 1-й группы / 1st group dialects	Говоры 2-й группы / 2nd group dialects	Эрзянский литературный язык / Erzya literary language	Мокшанский литературный язык / Moksha literary language	Русский язык / Russian language
Номинатив / Nominative	<i>pakša-š</i>	<i>pakša-š</i>	пакся-сь	пакся-сь	то поле
Генитив-Аккузатив / Genitive-Accusative	<i>pakša-í</i>	<i>pakša-í</i>	пакся-н-ть	пакся-ть	того поля, то поле
Датив / Dative	<i>pakša-í-ti</i>	<i>pakša-í-ti</i>	пакся-нт-ень	пакся-ти	тому полю
Аблатив / Ablative	<i>pakša-í-ti-da</i>	<i>pakša-í äzda</i>	пакся-до-нть	ø	о том поле
Инессив / Inessive	<i>pakša-í-ti-sa</i>	<i>pakša-í äsa</i>	пакся-со-нть	ø	в том поле
Элатив / Elativ	<i>pakša-í-ti-sta</i>	<i>pakša-í ästa</i>	пакся-сто-нть	ø	из того поля
Иллатив / Illative	<i>pakša-í-ti</i>	<i>pakša-í-ti</i>	пакся-нт-ень	ø	в то поле
Пролатив / Prolative	<i>pakša-í-ti-g'e</i>	<i>pakša-va-ní/ pakša-í äzga</i>	пакся-ва-нть	ø	по тому полю
Компаратив / Comparative	<i>pakša-í-ti-ška</i>	<i>pakša-ška-ní/ pakša-í äška</i>	паксяшка-нть	ø	с то поле
Абессив / Abessive	<i>pakša-í-ftamə</i>	<i>pakša-í-tuma</i>	пакся-втомом-нть	ø	без того поля
Каузатив / Causative	<i>pakša-í-ti-ksa</i>	ø	ø	ø	из-за того поля

ским литературными языками представлены в табл. 2, 3.

Как можно видеть, парадигма определенного склонения единственного числа первой группы говоров имеет ряд отличий от соответствующих парадигм второй группы и кодифицированных мокшанского и эрзянского языков.

1. Морфема определенности *-š* встречается только в номинативе. В косвенных падежах морфемой определенности является суффикс *-í*.

2. Морфологический маркер генитива *-í* выражает две семантические функции: функцию определенного артикля и падежную функцию генитива. Флективность морфемы генитива является характерной для мордовских языков.

3. В представленной парадигме диалектные формы смешанных говоров в номинативе, генитиве и дативе совпадают с соответствующими формами мокшанского кодифицированного языка.

4. В аблативе, инессиве, элативе, иллативе, компаративе падежные формы близки к эрзянскому кодифицированному языку. Однако они не совпадают с аналогичными эрзянскими формами, так как образовались на основе падежной формы датива мокшанского языка с соответ-

ствующим падежным суффиксом: *valma-í-ti-da* 'об этом окне', *valma-í-ti-sa* 'в этом окне', *valma-í-ti-sta* 'из этого окна', *valma-í-ti-ge* 'по этому окну', *valma-í-ti-ška* 'с это окно (по размеру)'.
5. На основе датива образовался и пролатив, но падежным суффиксом является мокшанский вариант суффикса пролатива *-g'e*: *valma-í-ti-ge* 'по этому окну', *viir-í-ti-ge* 'по этому лесу', *pakša-í-ti-g'e* 'по этому полю'.

6. В данной парадигме исключение составляет падежная форма абессива, которая образовалась на основе мокшанского генитива: *valma-í-ftamə* 'без этого окна', *viir-í-ftamə* 'без этого леса', *pakša-í-ftamə* 'без этого поля'. Указанное явление в абессиве характерно и для эрзянского языка.

7. Особенность парадигмы составляет падежная форма каузатива, образованная также на основе датива: *valma-í-ti-ηksa* 'из-за этого окна', *viir-í-ti-ksa* 'из-за этого леса', *pakša-í-ti-ksa* 'из-за этого поля'. В эрзянском кодифицированном языке и других диалектах каузативные формы не встречаются. Семантика каузативности передается аналитическими конструкциями.

Отметим, что подобные образования зафиксированы К. И. Ананьиной в верх-

Таблица 3. Парадигма определенного склонения множественного числа говоров сел Волжского и Ставропольского районов Самарской области

Table 3. Paradigm of a certain declension of the plural of dialects of the villages of the Volzhsky and Stavropol districts of the Samara region

Падеж / Case	Говоры 1-й группы / 1st group dialects	Говоры 2-й группы / 2nd group dialects	Эрзянский литературный язык / Erzya literary language	Мокшанский литературный язык / Moksha literary language	Русский язык / Russian language
Номинатив / Nominative	<i>vir^h(-t)-ne</i>	<i>vir^h(-t)-ñe</i>	вир-т-не	вирьх-не	те леса
Генитив-Аккузатив / Genitive-Accusative	<i>vir^h(-t)-ñe-ñ</i>	<i>vir^h(-t)-ñe-ñ</i>	вир-т-не-нь	вирьх-не-нь	тех лесов, те леса
Датив / Dative	<i>vir^h(-t)-ñe-ñdi</i>	<i>vir^h(-t)-ñe-ñe</i>	вир-т-не-нень	вирьх-не-нди	тем лесам
Аблатив / Ablative	ø	<i>vir^h(-t)-ñe-da</i>	вир-т-не-де	ø	о тех лесах
Инессив / Inessive	<i>vir^h(-t)-ñe-ñdi-sa</i>	<i>vir^h(-t)-ñe-sa</i>	вир-т-не-сэ	ø	в тех лесах
Элатив / Elativ	<i>vir^h(-t)-ñe-ñdi-sta</i>	<i>vir^h(-t)-ñe-sta</i>	вир-т-не-стэ	ø	из тех лесов
Иллатив / Illative	<i>vir^h(-t)-ñe-ñdi-s</i>	<i>vir^h(-t)-ñe-s</i>	вир-т-не-с	ø	в те леса
Пролатив / Prolative	<i>vir^h(-t)-ñe-ñdi-g'e</i>	<i>vir^h(-t)-ñe-va</i>	вир-т-не-ва	ø	по тем лесам
Компаратив / Comparative	<i>vir^h(-t)-ñe-ñdi-ška</i>	<i>vir^h(-t)-ñe-ška</i>	вир-т-не-шка	ø	с те леса
Абессив / Abessive	<i>vir^h(-t)-ñe-ñ-ftame</i>	<i>vir^h(-t)-ñe-ftuma</i>	вир-т-не-втеме	ø	без тех лесов
Каузатив / Causative	<i>vir^h(-t)-ñe-ñdi-nksa</i>	ø	ø	ø	из-за тех лесов

не-алатырских говорах Нижегородской области⁴.

Парадигма второй группы смешанных говоров также характеризуется некоторыми особенностями.

1. Отличительную черту парадигмы составляет отсутствие единой для всех падежей морфемы определенности: в номинативе *-š*, в косвенных падежах *-í/-ñí*.

2. Генитиву свойственна флективность: формант *-í* одновременно выполняет функции морфемы определенности и морфемы падежа.

3. Из-за отсутствия аффикса *-ñ* перед *-í* он, как и в мокшанском языке, присоединяется к основе непосредственно (при гласной основе) или с помощью интерфикса (при согласной основе). Ср.: *val'ma-í* 'окна (того), окно (то)', *vir-t-í* 'лесу (тому)'.

4. Фиксируется однотипность генитива-аккузатива и датива с соответствующими формами мокшанского языка. Ср.: д.ф. *moda-t*, м.л. *moda-í* 'земли (той)'; д.ф. *moda-íi*, м.л. *moda-íi* 'земле (той)'.

5. В аблативе, инессиве и элативе наблюдается замена синтетических форм

аналитическими конструкциями: *pakša-t' ezda* 'об этом поле', *pakša-t' esa* 'в этом поле', *pakša-t' esta* 'из этого поля'. Семантика пролатива и компаратива параллельно выражается синтетическими формами и аналитическими конструкциями: *pakša-va-ñí/pakša-t' ezga* 'по этому полю', *pakša-ška-ñí/pakša-t' eška* 'с это поле (по размеру)'.

В определенном склонении оппозиция форм единственного и множественного числа представлена во всех косвенных падежах. Формы множественного числа, как и в мордовских литературных языках, образуются с помощью двух суффиксов: универсального суффикса множественного числа *-t/-í* и суффикса *-ñel/-ne/-nə*, восходящего к указательному местоимению *ñe* 'эти': *lis'ma-í-ñe* 'эти колодцы', *gobrik-(t)-ñe* 'эти погреба', *čora-í-ñe* 'эти мужчины'. Морфема определенности во множественном числе во всех падежах имеет в словоформе постоянное место – перед падежными морфемами, характерными для основного склонения. Структура форм множественного числа определенного склонения следующая:

⁴ См.: Ананьина К. И. Указ. соч. С. 14.

склоняемая основа имени + суффикс множественного числа *-t/-t'* + морфема определенности + морфема падежа: *vith-(t)-ñe-ñdi-sa* 'в этих лесах', *v'el'e-t-ñe-ñdi-ge* 'по этим селам', *p'ra-t-ñe-ñdi-ška* 'с эти головы (по размеру)'.

Как видно из табл. 2, 3, определенное склонение в эрзянских диалектах и говорах Самарской области характеризуется отсутствием единой системы падежей, разнообразием падежных форм. Одно и то же падежное значение может быть передано падежной словоформой и аналитической конструкцией, ср.: *vele-va-ñt'* / *vele-ñ-t' ezga* 'по этому селу', *čora-do-št'* / *čora-(ñ)-št-t' ezda* 'об этом мужчине', *kudo-ška-t'/kudo-t' eška* 'с этот дом (размером)'.

Заключение

Изолированное развитие эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала способствовало, с одной стороны, сохранению архаичной парадигмы определенного склонения, а с другой – появлению новых парадигм.

Анализ диалектного материала исследуемого ареала показал, что в некоторых диалектах до настоящего времени в парадигме определенного склонения единственного и множественного числа сохранилась единая структура словоформ: основа + морфема определенности + падежный суффикс. При этом в единственном числе во всех падежных формах морфемой определенности является только

-š/-ž-, тогда как в соответствующих парадигмах эрзянского литературного языка и других диалектах наличествуют три морфемы: *-сь, -ть, -нть*.

В смешанных диалектах, основой которых был мокшанский язык, образовались новые падежные формы. Известно, что в мокшанском кодифицированном языке и диалектах в парадигме определенного склонения имеются только 3 падежные формы, в эрзянском – 10. В смешанных диалектах Заволжья и Южного Урала с мокшанской основой под влиянием соседних эрзянских диалектов сформировалась более полная парадигма определенного склонения, имеющая 11 падежных форм, из них 6 (аблатив, инессив, элатив, пролатив, компаратив, каузатив) образовались на основе формы датива, иллатив и абессив – на основе генитива.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Глоссы:

<i>ABE</i> –	абессив
<i>ABL</i> –	аблатив
<i>ACC</i> –	аккузатив
<i>CAUS</i> –	каузатив
<i>DAT</i> –	датив
<i>DEF</i> –	определенное склонение
<i>ELA</i> –	элатив
<i>GEN</i> –	генитив
<i>INE</i> –	инессив
<i>INT</i> –	интерфикс
<i>PROL</i> –	пролатив
<i>SG</i> –	единственное число
<i>д.ф.</i> –	диалектная форма
<i>м.л.</i> –	мокшанский литературный язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные явления в падежных парадигмах эрзянских говоров Новомалыклинского района Ульяновской области // Бубриховские чтения: задокументированное народное слово: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Петрозаводск, 2020. С. 42–45.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Инновационные явления в падежных парадигмах имени существительного в смешанных говорах Самарской области // Финно-угорские языки в современном мире: функционирование и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию проф. Д. В. Цыганкина. Саранск, 2020. С. 43–47.
3. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Парадигма определенного склонения в эрзянских говорах сел Новомалыклинского района Ульяновской области // *Linguistica Uralica*. 2017. Т. 53, № 3. С. 161–178. URL: https://kirj.ee/public/Linguistica_Uralica/2017/issue_3/ling-2017-3-161-178.pdf (дата обращения: 19.05.2021).

4. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 270 с.
5. Давыдов М. М. Больше-игнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 118–233.
6. Ермушкин Г. И. Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка // Вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1967. С. 104–143. (Тр. Науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР; вып. 32).
7. Коляденков М. Н. Историческая общность мокши и эрзи по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 257–271.
8. Марков Ф. П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1. С. 7–99.
9. Надькин Д. Т. К истории указательных форм в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1972. С. 61–68. (Тр. Науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР; вып. 42).
10. Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1968. Т. 5. С. 3–198.
11. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
12. Феоктистов А. П. К вопросу о составе падежных форм мордовского именного словоизменения // Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР. Саранск, 1962. Вып. 23. С. 208–211.
13. Цыганкин Д. В. Эволюция падежных парадигм в эрзянском диалектном ареале // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды: материалы Междунар. науч. конф. Саранск, 2020. С. 222–226.
14. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Структура падежных форм парадигмы определенного склонения в эрзянском диалектном ареале // Вестник угроведения. 2017. Т. 7, № 4. С. 86–97. URL: vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/cygankin_d.v._agafonova_n.a._ryabov_i.n.pdf (дата обращения: 01.06.2021).
15. Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 S.
16. Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 183 s. (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne; 232).
17. Budenz J. Moksxa – és erza-mordvin nyelvtan // Nyelvtudományi Közlemények XIII. Budapest, 1876. Kötet 13. Old. 1–134.
18. Gabelentz H. C. Versuch einer Mordwinischen Grammatik // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Göttingen, 1839. Bd. 2. S. 235–284; 383–418.
19. Inaba N. Suomen dativigenetiivin juuret vertailevan menetelmän valossa. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 413 s.
20. Keresztes L. Chrestomathia Morduinica. Budapest: Tankönyvkiado, 1990. 204 old.
21. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und Grammatikalischem Abriss. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1953. 159 S. (Hulfsmittel für das Studium der Finnisch-ugrischen Sprachen; 4).
22. Rueter J. Adnominal Person in the Morphological System of Erzya. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2010. 236 p.
23. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagshandlung, 1910. 156 S.
24. Turunen R. Nonverbal predication in Erzya. Tallinn: AS Pakett, 2010. 232 p.
25. Wiedemann F. J. Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache: nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p.

Поступила 13.06.2021; одобрена 30.06.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Д. В. Цыганкин – доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, kaferz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4806-2732>

Н. А. Агафонова – кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, ohanina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>

И. Н. Рябов – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, ryabov.74@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>

Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals

Dmitry V. Tsygankin

Nina A. Agafonova

Ivan N. Ryabov

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The modern differentiation of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals is the result of a long historical development. The migration of the Mordovians from their former places of residence contributed to their formation. The fact that in these regions the Erzya lived isolated from the rest of the Mordovians and contacted directly with peoples having different patterns of language contributed to preserving archaic phenomena of the base language and appearing innovative components in the structure of the dialects under study. The purpose of the work is to identify and describe archaic phenomena and innovations in the case paradigms of the study area.

Materials and Methods. The article is based on the field materials collected by the authors during linguistic expeditions in the places of concentration of the Erzya in the territory of the Volga region and the Southern Urals. The dialectal material was collected based on the questionnaire, reflecting the lexical, phonetic and morphological variations of linguistic phenomena. The descriptive and comparative historical methods were used to analyze language material.

Results and Discussion. The study of the linguistic material of the Volga region and the Southern Urals showed the differences in the case paradigms of the noun from the corresponding paradigms of the Erzya codified languages and other Mordovian dialects. In analysis showed that in the paradigms of the definite declension singular, there are different sets of cases and there is no single structure of word forms. Some paradigms are archaic, consistent, and logical. In the composition of others, new formations have developed, homonymous case suffixes and postpositional constructions have appeared.

Conclusion. The main dialect types of the Erzya languages were developed before the migration processes to the eastern territories of the modern residence of the Erzya. The isolated development of the dialects of the Volga region and the Southern Urals made it possible both to preserve archaic phenomena in the paradigms of the definite declension and to develop new formations uncharacteristic for them.

Keywords: the Erzya language, codified language, morpheme of certainty, dialect, case paradigm, archaic and innovative phenomena

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-012-00323.

For citation: Tsygankin DV, Agafonova NA, Ryabov IN. Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;3:254–264. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.254-264.

REFERENCES

1. Agafonova NA, Ryabov IN. Archaic phenomena in case paradigms in the Erzya dialects of Novomalyklinsky District in Ulyanovsk Region. *Bubrikhovskie chteniia: zadokumentirovannoe narodnoe slovo: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* = Bubrikhov readings: a documented folk word. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Petrozavodsk; 2020:42–45. (In Russ.)
2. Agafonova NA, Ryabov IN. Innovative phenomena in the case paradigms of nouns in the mixed dialects of the Samara region. *Finno-ugorskie iazyki v sovremennom mire: funkcionirovanie i perspektivy razvitiia: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posviashch. 95-letiiu prof. D. V. Tsygankina* = Finno-Ugric languages in the modern world: functioning and development prospects. Materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 95th anniversary of Professor D. V. Tsygankin. Saransk; 2020:43–47. (In Russ.)
3. Agafonova NA, Ryabov IN. The paradigm of the definite declension in the Erzya dialects of the villages of Novomalyklinsky District in Ulyanovsk Region. *Linguistica Uralica*.

- 2017;53;3:161–178. URL: https://kirj.ee/public/Linguistica_Uralica/2017/issue_3/ling-2017-3-161-178.pdf (accessed 19.05.2021). (In Russ.)
4. Bubrikh DV. Historical grammar of the Erzya language. Saransk; 1953. (In Russ.)
5. Davydov MM. Bolshe-Ignatovskiy dialect of Erzya-Mordovian language. *Ocherki mordovskikh dialektov* = Essays on the Mordvinian dialects. Saransk; 1963;2:118–233. (In Russ.)
6. Ermushkin GI. The noun and verb in the north-western dialects of the Erzya-Mordovian language. *Voprosy mordovskogo iazykoznanii* = Problems of Mordovian linguistics. Saransk; 1967;32:104–143. (In Russ.)
7. Kolyadenkov MN. Historical commonality of Moksha and Erzya according to language data. *Etnogenez mordovskogo naroda* = Ethnogenesis of the Mordovian people. Saransk; 1965:257–271. (In Russ.)
8. Markov FP. Pryalatyr dialect of Erzya-Mordovian language. *Ocherki mordovskikh dialektov* = Essays on the Mordvinian dialects. Saransk; 1961;1:7–99. (In Russ.)
9. Nad'kin DT. To the history of demonstrative forms in the Mordovian languages. *Voprosy mordovskogo iazykoznanii* = Problems of Mordovian linguistics. Saransk; 1972;42:61–68. (In Russ.)
10. Nad'kin DT. The Morphology of the Lower-Pian dialect of the Erzya-Mordovian language. *Ocherki mordovskikh dialektov* = Essays on the Mordvinian dialects. Saransk; 1968;5:3–198. (In Russ.)
11. Serebrennikov BA. Historical morphology of the Mordovian languages. Moscow; 1967. (In Russ.)
12. Feoktistov AP. On the question of the composition of the case forms of the Mordovian nominal inflection. *Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov MASSR* = Proceedings of the Research Institute of Language, Literature, History and Economics under the Council of Ministers of the MASSR. Saransk; 1962;23:208–211. (In Russ.)
13. Cygankin DV. Developing case paradigms in the Erzya dialect area. *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheisia okruzhaiushchei sredy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of an all-Russian civic identity and a changing environment. Materials of the International Scientific Conference. Saransk; 2020:222–226. (In Russ.)
14. Cygankin DV, Agafonova NA, Ryabov IN. The structure of the case forms of the definite declension paradigm in the Erzya dialect area. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2017;7;4:86–97. URL: http://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/cygankin_d.v_agafonova_n.a_ryabov_i.n.pdf (accessed 01.06.2021). (In Russ.)
15. Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. Saint-Petersburg; 1861.
16. Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Helsinki; 1999;232.
17. Budenz J. Mokska – és erza-mordvin nyelvtan. *Nyelvtudományi Közlemények XIII*. Budapest; 1876;13:1–134.
18. Gabelentz HC. Versuch einer Mordwinischen Grammatik. *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Göttingen; 1839;2:235–284:383–418.
19. Inaba N. Suomen dativigenetiivin juuret vertailevan menetelmän valossa. Helsinki; 2015.
20. Keresztes L. Chrestomathia Morduinica. Budapest; 1990.
21. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und Grammatikalischem Abriss. Helsingfors; 1953;4.
22. Rueter J. Adnominal Person in the Morphological System of Erzya. Helsinki; 2010.
23. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig; 1910.
24. Turunen R. Nonverbal predication in Erzya. Tallinn; 2010.
25. Wiedemann FJ. Grammatik der Erza-Mordwinischen Sprache: nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. Saint-Petersburg; 1865.

Submitted 13.06.2021; reviewing 30.06.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

D. V. Tsygankin – Doctor of Philology, Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, kaferz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4806-2732>

N. A. Agafonova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, ohanina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>

I. N. Ryabov – Candidate Sc. {Philology}, Head of Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, ryabov.74@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>